

ПОЭТ-ВОИН

Он был одним из популярных поэтов Волховского фронта. Его влияние на воинов — огромно. Вместе со своими героями и он стоял насмерть на нашем Волхове:

Мы бились с врагами у стен
Ленинграда,
Во мгле новгородских болот,
Под нами шаталась земля
от снарядов

И плавился волховский лед...
С первых дней войны Павел Николаевич Шубин на фронте. Его военным домом становится газета «Фронт-овая правда». Разъезд № 9 под станцией Неболчи — пятачок, с которого тянулись нити его дорог по Волховскому фронту. Он исходил, изъездил самые крайние точки болотного фронта Неболчи, Новоселицы, Новгород, Чудово, Финев Луг, Мясной Бор, Дубовик, Малая Вишера...

В Будогощи стояла редакция газеты «В бой за Родину». Своим специальным корреспондентом она числила и П. Шубина. Сотни стихов, очерков, корреспонденций, сатирических частушек были его вкладом в победу. Высокое мастерство поэта отметил А. Фадеев,

выступивший в июле 1943 года с докладом на совещании редакторов фронтовых и армейских газет.

Шубин был рядом со своими героями. Вместе с ними ходил в атаки, а потом читал им стихи. О, как он их читал! Это надо было слышать! Вдохновенно, задушевно, согревая души солдат, врачевал их сердца. Он обладал феноменальной памятью, что помогало ему работать в любой обстановке. Бывало, едет по разбитой, мощенной бревнами дороге, а сам что-то шепчет в поднятый воротник шинели. Сочиненное в дороге в редакции сразу записывалось. Шубина любили не только потому, что он был поэтом.

1942 год. Люто бушует январская метель в волховских лесах. Вторая ударная армия в жестоких боях разгромила фашистов у Мясного Бора. В образовавшуюся брешь ворвался 13-й кавалерийский корпус генерал-майора Н. И. Гусева. Начался многодневный рейд конников по тылам врага. Вместе с ними — П. Шубин. Идет второй месяц ожесточенных боев. Корпус движется на Любань:

На оси замерзает компас —
Ногтем в стеклышко
барабань!

Прорубается конный корпус
Из-под Вишеры на Любань.
Без обозов не пропадая,
Без орудий летят полки,
К гривам спутанным
припадая,

Пулеметчики бьют с луки...

Вместе с солдатами Шубин испытал и горькие дни поражений. В мае 1942 года вторая ударная армия была отрезана и попала в окружение. Где-то здесь, у Мясного Бора, скрестились дороги П. Шубина и М. Джалиля. Но П. Шубин вырвался из окружения, а Джалиль...

В память врезались страшные картины. Земля смешалась с небом. Черный дым и гарь. Сквозь этот ад, всем смертям назло, надо прорваться. Редактор уже не надеялся увидеть П. Шубина. Но... Поэт снова в редакции. И снова просится на задание. Впереди у него — Синявинская эпопея. Памятью павших друзей стала знаменитая шубинская «Волховская застольная». Поют ее и поныне. Нет-нет да и скатится слеза со щеки бывшего фронтовика. Но он не поднимает руки, чтобы стереть ее, горячую:

Выпьем за тех, кто неделями
долгими

В мерзлых лежал
блиндажах,
Бился на Ладоге, дрался
на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

Песня и стих — это бомба и знамя. Русский человек идет с песней на праздник и на бой. 50 песен дал фронту П. Шубин.

На мотив «Из-за острова на стрежень» бойцы часто пели его «Партизанскую». Нередко у костров звучал шубинский «Мой костер»...

Новгородская земля для него — это не только плацдарм боев с фашизмом. Он воспринимал ее, гордую и непоколебимую, как праматерь России. Не раз в своих стихах поэт черпал образы и сравнения из жизни древнего Новгорода.

Находясь в передовых частях, Шубин узнал о подвиге трех коммунистов, закрывших своими телами дзоты между Юрьевым монастырем и Воскресенской слободой. Они погибли 29 января 1942 года. П. Шубин первый поведал стране об их подвиге. Н. Тихонов еще ничего не знал о героях своей будущей «Баллады»... Волховский фронт уже 7 февраля читал шубинскую поэму «Трое»:

...Какой-то миг —
И взвод поляжет строем,
Как березняк,

Погубленный в грозу.
Какой-то миг!..
Но — яростные — трое
Уже рванулись к пасти
амбразур!..

Поэма П. Шубина была первым литературным памятником Герасименко, Красилову и Черемнову.

Одним из первых поэт-воин входит в освобожденный Новгород.

Мимо белокаменной
Софии,
Волховские кинув берега,
Я и сам прошел тогда
впервые...

Городом, отбитым у врага...

За участие в освобождении Новгорода на гимнастерке Павла Шубина появился орден Отечественной войны II степени. Вместе с «новгородскими полками» поэт идет дальше, на запад. Вот он в старинном городке Шимске:

Пули свищут мимо,
Мы вперед спешим.
Кроют тучи дыма
Приозерный Шимск...

Но вскоре поэт навсегда покидает новгородскую землю. 15 февраля 1944 года Волховский фронт был расформирован. П. Шубин воюет на Карельском фронте, а кончает войну в Маньчжурии.

В. ТЮРИН.

В ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ

В качестве корреспондента газеты «Фронтальная правда» Волховского фронта в годы минувшей войны я постоянно находился в войсках, сражавшихся на новгородской земле, и хорошо помню о том времени, когда трое героев — А. Красилов, Л. Черемнов и И. Герасименко в январе 1942 года закрыли своими телами амбразуры вражеских дзотов...

Вместе с нами работал ныне покойный талантливый поэт Павел Шубин. Вспоминается, как он буквально на другой же день после совершения подвига приехал с передовой в редакцию с готовыми стихами, посвященными воинам-героям.

— Хорошие стихи, — похвалил Шубина редактор газеты подполковник Борис Потапович Павлов. — Иди к Голованову (это был наш ответственный секретарь редакции) и скажи, чтобы сроч-

но ставил их в номер.

Утром вонны всех частей фронта, куда пришла наша «Фронтальная правда», уже читали рассказ о подвиге и стихи Павла Шубина.

Недавно, разбирая свой фронтовой архив, я обнаружил стихи, опубликованные в свое время нашей «Фронтальной правдой» и вошедшие затем в книгу Шубина «Солдаты», вышедшую в издательстве «Молодая гвардия» в 1948 году.

Пусть эти стихи фронтового поэта прочтут все, кому дорог ваш (и наш тоже!) новгородский край, на полях которого за долгую его историю славное русское воинство не один раз повергало в прах иноземных захватчиков.

Вот эти стихи, названные Шубиным «Трое»:

Когда бойцы
Прорвались к сердцу боя,

Где, шевелясь и плача,
Как живой,
Снег превратился

в месиво рябое,
Размолотый волною
огневой, —

Из скрытого
В седом сугробе дзота,
В затылок им,
Исподтишка,
В упор
Хлестнули три немецких
пулемета,

Тупые рыла
Высунув из нор.
Какой-то миг —
И взвод ляжет строем,
Как березняк,
Погубленный в грозу.
Какой-то миг!..
Но — яростные — трое
Уже рванулись
К щелям амбразур!
Замолкни, смерть!
В глаза твои пустые,
Где навсегда остановилась
тьма,

Глядят большевики,
Как жизнь — простые

Бессмертные,
Как Партия сама!
Здесь,
Заслонив друзей
Живою стенкой,
Руками
Обхватив концы стволов,
Легли
Красилов

и Герасименко,
Упал —
на третий —
грудью Черемнов.

Они стволы закрыли
И телами
Прижались к ним,
Прицел перекосив,
В стволах
Свинец расплавленный
И пламя
Своей горячей кровью
Погасив.
О, Родина!

Они тобою жили,
Тебе клялись
Сквозь тьму,
Сквозь немоту,
Они тебе
И мертвые служили,
И, отслужив,
Остались на посту!
Не просто

Гнев иль мужество
Велели
Им головой
Ответить за других —
Нет,
Ясное сознание высшей
цели

На эту смерть
Благословило их!
И, называя
Лучших поименно,
И в горести,
И в гордости своей,
Земля родная,
Преклони знамена
Перед бессмертной
Славой сыновей!

Прочти, молодой новгородец, эти фронтовые стихи, вдумайся в них. Воздай дань памяти тем, кто пал на поле брани, развернувшейся в те далекие дни на твоей новгородской земле.

Л. КОЗЛОВ,

гвардии подполковник
запаса,

участник освобождения
Новгорода.

Подмосковье.

Одной из наиболее популярных песен в дни войны была «Волховская застольная», воспевавшая

«...тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладого, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг».

Родина! В подробностях
простых
Для меня открылась ты
однажды,
И тебе я внял кровинкой
каждой
И навек запомнил, словно
стих.

Основанное на подлинном факте, это стихотворение полно драматизма. Оно звучит гимном мужеству и самообладанию советского воина. Строки стиха упруги, мускулисты, предельно динамичны. Все это — свидетельство высокого поэтического мастерства.

Поэт посвятил немало стихотворений отдельным героям, конкретным подвигам. Оперативность поэтических откликов отнюдь не отражалась на их художественном уровне. В стихотворении «Майор Шу-

НА СНИМКЕ: Павел Шубин.

ПОЭТ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА

Среди книг

Мы, выдавшие смерть
на Волхове,
Прокаленные до седины,
Побываем в зверином
логове,
С боку на бок качнем
Берлин!
И когда он шатнется
в пламени,
Озаряя ночную тьму,
Алый свет боевого знамени
Осенит нас в его дыму.

Стихотворение, заканчивающееся этими пророческими строками, впервые увидело свет на страницах фронтовой газеты, в тот достопамятный день, когда раскатистый гром артиллерийского наступления возвестил о начале Новгородско-Лужской операции. Даже если бы под ним не стояла знакомая подпись автора, каждый солдат-волховчанин безошибочно определил бы его имя.

Павел Шубин — признанный, главный поэт Волховского фронта, всегда исключительно точно, своевременно, с большой эмоциональной силой выражал самые сокровенные думы и чаяния воинов. Его стихи не просто призывали к стойкости в обороне, упорству и настойчивости в наступлении. Они не только учили тому, как нужно вести себя в бою. Эти произведения раскрывали самые глубинные запасы духовных сил воюющего за правое дело человека.

В стихотворениях «На нашем участке», «Полмига», «Побойце», «Шофер», «У-2», «В новгородском лесу», «За Новгоро-

дом», знаменитой «Волховской застольной» и многих других Павел Шубин воспел неимоверно тяжелый ратный труд «болотных солдат», их коллективный подвиг, сложившийся, подобно мозаичной картине, из бесчисленных проявлений мужества.

Литературная критика еще в довоенные годы отмечала крепкую самобытность поэтического голоса Павла Шубина, который за годы пребывания на Волховском, Карельском и Дальневосточном фронтах обогатился свежими, неповторимыми интонациями. Однако значительных монографических работ, охватывающих весь его недолгий творческий путь (П. Шубин умер в 1951 году, 37 лет от роду), до последнего времени не существовало.

Следовательно, небольшую книжку А. Когана «Павел Шубин», выпущенную в 1974 году издательством «Советская Россия» (серия «Писатели Советской России»), есть все основания рассматривать как первую и, скажем сразу, во многом удавшуюся попытку подобного рода. Автор, путем всестороннего изучения личности и творчества поэта, определяет истоки его интересов и устремлений, раскрывает глубинные, подготовленные всей предшествующей биографией, причины могучего взлета его дарования в период Великой Отечественной войны.

В начале пути, как и все начинающие, Павел Шубин учился у классиков и старших современников, испытывал на себе их влияния, случалось, ученически подражал им. В ранних стихах шел иногда не от жизни, а от эрудиции, приобретенной в стенах высшего учебного заведения. В эпоху незрелого А. Коган находит полновесные зерна, из которых со временем вырастет своеобразный мастер, научившийся переплавлять впечатления окружающей действительности и глубокие познания из отечественной истории в благородный металл поэтического слова самой высокой пробы.

Почти двухгодичное пребывание на Волховском фронте, на земле изначальной Руси, обострило и без того острое у П. Шубина чувство историзма. Совсем не случайно в его стихах, написанных в дни наступательных боев за Новгород, встречаются такие неразрывно спаянные между собой приметы настоящего и прошлого: «вновь за Волхов идут разведчики в стародедовских челоках», «прожигая называет панцыри, бронебойная бьет пещаль», «жерла двести трехмиллиметровых чуть ли не до Луги достают», «шинель, зеленая, как слизь, растоптана в сугробе» и т. д.

А. Коган не грешит против истины, утверждая: «Поэт

чувствовал себя вправе так сопоставлять образы, так сопрягать времена, ибо чувствовал себя живущим в истории, во времени — как в пространстве, — современником всего живого». Нельзя однако согласиться с автором монографии, когда он пишет далее «в стихах Шубина история предстает деталями, зачастую не очень точными, зачастую вовсе не точными».

Совсем наоборот. В произведениях П. Шубина ссылки на историю и географию могут удовлетворить самого строгого, самого взыскательного критика. Подтверждение тому и прекрасное стихотворение «На встречу стремные бредущие вброд», ссылкой на которое А. Коган пытается подтвердить свою ошибочную мысль.

Автор монографии недоумевает, «что... делать богатырю в чекмене на берегу Ильмень-озера», упуская при этом из виду то обстоятельство, что слово Ильмень поэт написал не с большой, а с маленькой буквы. Он имел в виду не главный водоем Новгородской земли, а более широкое понятие. Ильменем в народе называют низменное место, покрытое водой от разлива реки или озера.

Стихи написаны 12 ноября 1941 года, незадолго до отъезда П. Шубина в Действующую армию. Пока еще неизвестные ему новгородские реалии

в них отсутствуют. Но прекрасно знакомые поэту места на верхнем Дону, их историческая ретроспектива описаны с исключительной точностью. «Богатырь в чекмене» помещен таким образом именно в ту среду, которая была присуща ему органически.

Хочется спорить и с некоторыми положениями, высказанными А. Коганом в заключительных главах монографии. В частности он, противореча самому себе, вдруг начинает настойчиво доказывать, что Павел Шубин до последних дней чуть ли не абсолютно подражал Эдуарду Багрицкому. Такой вывод делается главным образом на основе того, что в ряде стихов обоих поэтов нередко присутствует парус. Но ведь без этого символического образа не смогли обойтись многие авторы, творившие после М. Лермонтова.

Как видно из приведенных примеров, А. Коган склонен иногда без достаточных фактических оснований переходить к выводам, которые на поверку оказываются преждевременными. И это обстоятельство несколько снижает значение очень интересной аналитической работы о творчестве выдающегося советского поэта.

Н. БЕРЕГОВ.

ВОЛХОВСКИЕ БЫЛИ

В январе 1942 вышел первый номер ежедневной красноармейской газеты «Фронтная правда» Волховского фронта. Сегодня мы предлагаем читателям рассказы бывшего редактора этой газеты Б. П. Павлова. Они о фронтовых друзьях, о писателях и журналистах, об историях, рассказанных ими.

«ВОЛНА УБЕЖАЛА»

В последние дни февраля сорок второго в тесной землянке комиссар собрал агитаторов полка. Шла беседа о подвигах бойцов, командиров и политработников пятьдесят второй армии Волховского фронта. Кто-то попросил включить радиоприемник. В эфире — Москва.

Агитаторы, секретари партийных и комсомольских организаций, специальный корреспондент газеты «Фронтная правда» Александр Чаковский в полной тишине слушали вечернюю оперативную сводку. Четко и торжественно звучал голос диктора. В землянку зашел молодой партизан. Тихо спросил:

— Москва?

На партизана никто не обратил внимания. Только комиссар слегка улыбнулся ему и рукой указал на табурет, стоявший в тени.

Его приход и тем более присутствие в затемненном углу землянки не оставили заметного следа в сознании бойцов и офицеров. Причина тому — передача, которая сообщала об их армии.

— Жаль, что коротко! — сказал с сожалением кто-то.

— Хорошего понемножку, — улыбаясь, ответил комиссар. — Зато оперативно. Вчера воевали, а сегодня Москва на весь мир о наших подвигах вещает.

Потом пошел рассказ о боевых действиях партизан. Называли отличившихся по од-

ним условным буквам — инициалам...

После того как агитаторы и политработники покинули землянку, Александр Борисович Чаковский подсел к приемнику и начал неторопливую «прогулку по эфиру». Неторопливую потому, что комиссар был занят беседой с партизаном. Склонившись над картой, они наносили пути прохода партизанского отряда через наши минные поля, а Чаковский, медленно продвигаясь по радиошкале, время от времени поглядывал на них. «Уж больно молод этот партизанский командир, — размышлял писатель, — пацан безусый...».

Когда все было сверено, уточнено и перенесено на партизанскую карту, комиссар и партизан поднялись из-за стола, обменялись рукопожатиями. Гость энергично откозырял сначала комиссару, а затем корреспонденту и быстро исчез из землянки.

— Убежала? — спросил комиссар Чаковского.

— Кто?

— Волна, — загадочно улыбнулся писателю комиссар.

— Да, убежала.

— Вот и я о ней.

Каждый из них в эти минуты думал и говорил о своем.

— Силен командир, — первым нарушив короткое молчание, сказал Чаковский. — Только уж больно молод.

Комиссар весело рассмеялся:

— Во-первых, товарищ журналист, не молод, как ты заметил, а молода. Это очень храбрая, прямо-таки легендарная девушка. Кстати, почти твоя, землячка: ты из Ленинграда, а она из Ленинградской области. Это о ней мы сегодня слушали передачу Совинформбюро. О ней и ее отряде...

Корреспондент, не слушая комиссара, выскочил из землянки, но девушки уже и след простыл.

Эту историю Александр Борисович рассказал мне в редакции «Фронтной правды». Он и тогда сокрушался о той несостоявшейся встрече. И все же он встретился с героической партизанкой. Тогда, когда редакция получила

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1942 года о присвоении Антонине Васильевне Петровой, особо отличившейся в партизанской борьбе против немецких захватчиков, за отвагу и героизм, звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

«А КАК НАЗОВЕШЬ СВОЮ ПЕСНЮ?»

Командующий Волховским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков устроил прием по случаю освобождения Тихвина от немецко-фашистских захватчиков. На нем были и журналисты «Фронтной правды». Среди них — поэт газеты Павел Шубин и заместитель начальника отдела пропаганды Лев Саксонов. Уже глубокой ночью из Военного Совета фронта друзья выехали в редакцию. Ехали они вместе с шофером в кабине. По дощатым настилам военной дороги машина шла медленно. Саксонов уже собирался вздремнуть, но вдруг услышал, что Павел Шубин напевает мелодию и произносит тихо, но четко слова. Саксонов,

вытащив из кармана блокнот с карандашом, стал их записывать тайком от Шубина. Машина грохотала, в такт постукивания поперечных бревен Павел Николаевич сочинял песню.

Вдруг поэт попросил блокнот и карандаш, взяв, быстро нацарапал в нем несколько четверостиший и вернул своему другу.

Приехав в редакцию, они прилегли отдохнуть. Первым пробудился Лев Саксонов. И тут же принялся расшифровывать свои и шубинские ночные записи. Он еле-еле разбирался в нацарапанных карандашом словах.

Когда проснулся поэт, Лев спросил его:

— Ну, как песню назовешь?

— Какую?

— Про волховцев.

— Зреет, нет песни.

— Как нет? Есть! Споешь?

И Саксонов читает Шубину текст его песни, которую тот сочинил ночью в машине. Тот, сложив между коленок руки, внимательно слушает. Лева читает громко, выразительно:

Редко, друзья, нам
встречаться приходится,
Но уж когда довелось,
Вспомним, что было,

и выпьем, как водится,
Как на Руси повелось.
Вспомним о тех,
кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу,
Кто в Ленинград
пробирался болотами,
Горло ломая врагу..

Стали собираться журналисты. Слушая свои стихи, Шубин прослезился. Видимо, это были слезы благодарностью тому, кто смог записать и сохранить первоначальный текст стиха-песни. Чувствовалось, что слова песни нравятся товарищам, нравятся они и ему. В них и образ, и картина, и нужные песенные слова.

А когда закончилось чтение, Саксонов снова спросил:

— А как назовешь свою песню, Павел Николаевич?

— Волховская застольная, — ответил Шубин. Она была напечатана в «Фронтной правде», записана на пластинку. Ее пел весь Волховский фронт.

Такова история рождения песни.

Б. ПАВЛОВ,
член Союза
журналистов СССР,
бывший редактор
газеты «Фронтная
правда».

НОВГОРОДСКАЯ ПРАВДА

К ш т ы к у приравняв перо

УХОДЯТ в прошлое бывшие сраженья, но живут в памяти народной имена героев. Замечательные строки есть у поэта Р. Рождественского:

Вспомним всех поименно,
Горем вспомним своим,
Это нужно — не мертвым,
Это надо живым.

На фронтах Великой Отечественной войны сражались и поэты. Один из них — Муса Джалиль — писал:

Волхов — свидетель,
я не трусил,
Пылинку жизни моей
 не берег...
Последний выстрел —
 и выстрела нет!

Мне изменил мой пистолет...
Поэт прибыл с группой политработников на Волховский фронт в 1942 году, находился в распоряжении политуправления штаба армии. Вот что он сообщал в письме своему другу Кашаффу:

«Только на днях вернулся из длительной командировки по передовым частям, где выполнял особое задание. Поездка была трудная, опасная, но очень интересная. Был все время под обстрелом. Три ночи подряд не спал, питался на ходу, но видел многое».

Книга Рафаэля Мустафина «По следам поэта-героя» рассказывает о далеких днях трудного военного времени. Автор приводит воспоминания людей, знавших Мусу Джалиля как верного друга, товарища, соратника по борьбе.

В газете «Отвага» Джалиль работал вместо погибшего Всеволода Багрицкого. Муса не мог сидеть без дела, рвался на передовую, откуда и приносил интересные материалы. Часто он исчезал из редакции на несколько дней. Все знали: Джалиль там, где

грохот разрывов и свист пуль, в самом пекле боя. Каждая такая вылазка стоила жизни, но поэт не задумывался об этом.

Находясь на передовой, Джалиль не забывал о своей семье и писал родным душевные письма. Взять, к примеру, почтовую открытку, отправленную дочери 24 марта 1942 года из Малой Вишеры (в то время он жил на Набережной улице):

«Дорогая Чулпаночка, шлю горячий привет и крепко целую тебя. Я только что вернулся с войны в свою квартиру, где я не был около 10 дней. Мы били фашистов. Они бегут, не оглядываясь назад. Наши пушки угощают их снарядами, и им жарко несмотря на то, что здесь стоит крепкая зима. После боя с друзьями ели в землянке суп. А вот никак не нахожу время написать обещанный тебе рассказ о петухе. Обязательно напишу. Это очень интересный рассказ о войне и петухе. Ну, пока, крепко обнимаю, папа».

21 июня газета вышла в последний раз. В районе Мясо-го Бора Джалиль попал в плен, но до последней минуты он остался верным сыном Родины.

Таким же отважным был журналист и поэт Леон Вилкомир. «Мы победим. Мои слова. Моя над миром синева», — писал он. Михаил Цунц в книге «В редакцию не вернулся» сообщает о Леоне Вилкомире: «После смерти Багрицкого он буквально не находил себе места, уединялся, все горевал, что не увез Всеволода из деревни. Вскоре мы узнали, что Багрицкого в «Отваге» сменил другой поэт. Это был Муса Джалиль».

Леон Вилкомир — настоящий советский воин, готовый

сделать все во имя победы, тоже погиб. И остался жить в своих стихах:

Я буду жить, как я хочу,
Свободной птицей взлечу,
Глазам открою высоту,
В ногах травую прорасту,
В пустынях разольюсь
 водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я — человек, я — все
 могу!

С Малой Вишерой связано и имя Павла Шубина, написавшего здесь в апреле 1942 года свою знаменитую песню, посвященную ленинградским партизанам. Читаешь стихи Павла Шубина «Снег идет», «На волховских рубежах» и слышишь гимн русской силе, отваге и мужеству.

Поэт и в тяжелые для Родины дни не перестает думать о светлом будущем, об отчем доме:

Где-то домик старенький
Теплым дымом курится,
Пробегают валенки
По скрипучей улице.

А в стихотворении «Моя песенка», написанном в Малой Вишере 3 декабря 1943 года, поэт мечтал о родном крае, где проплывают гуси-лебеди. И все мысли, думы, переживания ведут бойца вперед — к победе:

Все, что пройдено,
 не пройдено, —
Тобой озарено,
Милая навеки Родина, —
Далекое окно.

Скупы фронтовые строки, но и сегодня они заставляют нас понять, как дорога советским людям мать-Родина. Строки, пронизанные тонким чувством любви к ней, живут в сердце каждого из нас.

Т. ОПАРИНА,
зав. детской библиотекой.
Малая Вишера

Среди книг

В ДНИ
БОЕВЫЕ

Стремителен полет времени. Вот уже и сорокалетие с момента окончания второй мировой войны осталось в прошлом, стало достоянием истории. Но не иссякает кровный интерес советских людей к ставшим уже легендарными событиям. Продолжают свой благородный поиск красные следопыты. Выходят на экраны новые фильмы. Публикуются книги о великом патриотическом подвиге, свершенном нашим героическим народом в 1941—1945 гг.

В потоке произведений художественных и документальных жанров, вышедших в свет к 40-летию Победы, не должна затеряться и скромная книжка Бориса Павлова «Двадцать дней политрука» (Издательство ДОСААФ СССР, Москва, 1985) — сборник очерков о героях боев с фашистскими захватчиками. Ее автор, военный

журналист, редактор армейских и фронтовых газет, рассказывает о людях, которых знал и видел в жарком ратном деле. Он информирует читателей и о том, как сложились в послевоенные годы личные судьбы тех из них, которым посчастливилось остаться в живых.

Заглавный очерк книги «Двадцать дней политрука» переносит нас в жаркое лето 1941 года. Смоленское направление. Войска прибывшей из Забайкалья 16-й армии грудью заслоняют подступы к столице. Именно здесь герой повествования политработник В. М. Машункин проявил себя человеком исключительного воинского мужества.

Он вдохновлял бойцов на подвиги пламенным словом большевистской правды и личным примером, умело организовывал разведывательные поиски и засады, уверенно проводил рискованные рейды. И все это в условиях подавляющего превосходства противника в живой силе и технике, под постоянной угрозой его фланговых ударов.

Б. Павлов точен в убедительных деталях, когда описывает действия отдельных бойцов и небольших подразделений в различных условиях боевой обстановки. Удаются ему и характеристики психологи-

ческого состояния воинов в критические моменты боя, т. е. тогда, когда умение найти и применить свой единственно правильный маневр имеет решающее значение.

Такая точность — закономерный результат личного участия автора в событиях тех дней, знакомства с героями и подвигами не по архивным документам, а по горячим следам свершившегося. В подтверждение этой мысли приведем только один, насыщенный зримыми подробностями эпизод из очерка «Двадцать дней политрука»:

«Опять ударила пушка, и поверху пронесся снаряд. Теперь разрыв ударил ближе, и земля в окопе тяжело загудела.

Опять прозвучал выстрел. На этот раз политрук всем телом почувствовал, как вместе с ним судорожно вздрогнула сама земля.

Несколько секунд черный дым от взрыва снаряда окутывал поляну. Приторно-горьковатый запах взрывчатки вызвал у Машункина тошноту.

Танк, скрежеща и покачиваясь, пополз по траве прямо на окоп политрука. Казалось, что для экипажа машины это была единственная живая цель, которую он долго искал, а теперь нашел и во что бы то ни

стало захотел ее уничтожить.

Стальная машина слегка сбавила скорость и вплотную приблизилась к окопу политрука. Машункин на мгновение выглянул, заметив черную дыру пушки, из которой еще шел дымок, и сразу же вжался в дно окопа.

Танк, притормаживая, раздраженно заурчал, норовя левой гусеницей накрыть окоп с человеком, всей тяжестью навалился на выбранную жертву.

На Машункина посыпалась земля, потек песок за ворот гимнастерки, приликая к потному телу. В окопе стало темно. Зажатая между коленями политрука бутылка с зажигательной смесью уже уперлась в подбородок.

Танк начал утюжить окоп, все глубже вгрызаясь в землю. Трудно поверить, что от человека после этого хоть что-то останется.

Грозно рыча, машина с ходу рванулась прочь от раздавленного окопа, торопясь поскорее ворваться в глубь обороны... Машункин, стряхивая с себя толстый слой земли, с трудом приподнялся, встал на дно окопа, который теперь доходил ему едва до пояса, и со всех сил швырнул в танк бутылку с горючей смесью. Она разбилась над сеткой моторного отделения.

Жидкость, разливаясь по поверхности машины, от соприкосновения с воздухом воспламенилась».

Столь же добротной точностью, квалифицированной достоверностью отличаются описания боев за освобождение Новгорода («Через озеро Ильмень»), форсирования реки Свирь («Двенадцать героев»), уничтожения с воздуха моста через Волхов в районе Киришей («Обязательно возвращайтесь!»), других сражений и боевых эпизодов.

То, что увидел, вспомнил и описал Б. Павлов, существенно дополняет наши представления о советском человеке в период лихолетья. Среди тех, о ком поведал нам автор, преобладают рядовые бойцы и командиры невысоких рангов. Те, кого справедливо называли чернорабочими Победы.

Особое место в сборнике занимают мемуарные очерки о встречах автора (преимущественно на фронте) с видными советскими писателями: А. Фадеевым, Н. Тихоновым, А. Сурковым, В. Кожевниковым, А. Прокофьевым, совместной работе во фронтовой газете с А. Чаковским, П. Шубиным, М. Эделем. Сообщаемые Б. Павловым сведения представляют большой интерес.

Н. БЕРЕГОВ.